

В. П. КУПЧЕНКО

Максимилиан Волошин — ученик Рудольфа Штейнера

Поэт Максимилиан Волошин впервые встретился с Рудольфом Штейнером в 1905 году. Связующим звеном в этом знакомстве стала теософка А. Р. Минцлова: по ее совету на лекцию Штейнера 9 сентября в Цюрихе отправилась молодая художница М. В. Сабашникова, — в которую Волошин был тогда влюблен. Ее восторженный отзыв о Штейнере, а также сведения о нем, полученные от Минцловой (мистические способности которой поразили Волошина), в течение сентября-октября настроили поэта на сверх-почтительное отношение к личности «главы немецкой теософии»¹.

Следует упомянуть, что Волошин был подготовлен к этой встрече собственными духовными исканиями: его интерес к оккультному знанию именно в 1904–1905 годах достиг высшей точки. В трудах Я. Бёме, Э. Сведенборга, Е. Блаватской, Элифаса Леви, С. Гуайты, А. Синнета, Ч. Лидбитера, Фабра д'Оливе он находил ответы на давно зревшие в нем вопросы. Символистом в поэзии Волошин стал не из моды или подражания: он с детства воспринимал мир как покров над иной, невидимой реальностью. «Мне это так понятно и близко, и давно, давно знакомо», — писал он Сабашниковой 25 октября 1905 года о книге А. Безант «Древняя мудрость». (В частности, узнав из нее, что «мысли — это существа, рожденные человеком <...> на астральном плане, и что он может их посылать своей волей куда угодно», он отмечает, что и прежде «все время делал это мысленно»)². Позднее Волошин повторит: «Я знаю, что и до встречи с антропософией мыслил исключительно в ее категориях»³. А о Штейнере уточнял: «В то время как я его встретил на своем пути, у меня уже были две уверенности: первая в существовании древней Тайной Доктрины, обесмысленные отрывки которой есть понемногу во всех мифах, суевериях и, так называемых, «оккультных науках», а вторая — в иерархическом устройстве мира, т. е. что и над нами, и ниже нас существуют мыслящие и чувствующие воли. А кроме

того, я в то время уже достаточно путался в схемах и системах различных оккультистов, которые всегда и намеренно кое о чем умалчивают. Так что <...> мог оценить честную ясность концепции (Штейнера)»⁴.

Осенью же 1905 года Волошин начинает читать работы Штейнера: статью о стыде, статью о второй части «Фауста», пересказы лекций, присылаемые ему Сабашниковой. Он засыпает ее вопросами о мнениях Штейнера. «Какое отношение имеет русская революция к духовному перевороту человечества в эти годы? Как подойти к ним с эзотерической точки зрения? <...> Если можно — спроси Штейнера о России. Спроси, что надо делать?» (Письмо от 26 октября 1905 года).

Сабашникова зовет Волошина в Берлин, где Штейнер читает курс лекций, — и вот, первого или второго ноября 1905 года поэт приезжает туда из Парижа. К сожалению, сведений о десяти днях, проведенных им там, не сохранилось. Лишь в одном письме к феодосийке А. М. Петровой (без даты, по контексту — середина марта 1906 года), вспоминая события минувшего года, Волошин, рассказывая о Минцловой, написал:

«Она меня ввела во многие области тайного знания и познакомила меня с самым гениальным из современных европейских оккультистов — профессором Штейнером, известным в литературе своими трудами о Гете с эзотерической точки зрения. Он меня пригласил слушать свой курс, читанный им в Берлине только для нескольких человек, в числе которых была и Маргарита Васильевна. <...> Более поразительного и гениального лица, чем у него, я никогда не видел в жизни, и та история мира, которую он раскрыл в своем курсе, так поразительна и необычайна, что я не смогу Вам дать в письме и намека. Это грандиозный синтез точного знания с боговдохновенностью. <...>

Штейнер ищет теперь русских, потому что в настоящее время Россия — славянство должны стать ковчегом тайной науки. Правоверные теософы и оккультисты его ненавидят и кричат, что он раскрывает те тайны, о которых нельзя говорить. Но он говорит, что время пришло раскрыть многое, и берет учеников не из тайных школ, а того, кого он сам наметит».

«Для меня открылся целый мир совершенно нового знания и нового миропонимания, новой морали», — итожил поэт⁵.

Позднее (в письме к Ю. Оболенской от 21 октября 1913 года) он добавлял:

«Насколько это было важно и много, можете судить по тому, что русский 1905 год для меня прошел как что-то очень далекое, призрачное, почти не коснувшись меня. В словах его (Штейнера — Вл. К.) меня прежде всего поражало то, что это было широкое обоснование и обобщение тем оккультным мыслям, убеждениям, к которым я в то время сам пришел, но которые находились в полном противоречии с теми научными положениями, из которых я исходил. Этот первый год дал слишком много»⁶.

Штейнер, в свою очередь, оценил неопита. 24 февраля 1906 года Сабашникова сообщала Максимилиану Александровичу (со слов Минцловой), что Штейнер очень надеется застать Волошина в Париже: *«тогда он бы приехал на месяц раньше, чтобы русским прочесть курс о грядущей революции»*⁷.

Обвенчавшись в Москве 12 апреля 1906 года, Волошин и Сабашникова едут в Париж. Вечером 17 мая туда приезжает и Штейнер с Марией фон Сиверс — и 24 мая начинает чтение лекций «для русских». *«Он читает по немецки, и каждый день от четырех до пяти у него на квартире в Пасси, — сообщала в этот день Сабашникова В. М. Викентьеву. — Он начал говорить об ордене розенкрейцеров»*⁸.

Приглашая к себе на новоселье, 28 мая, А. Н. Бенуа (жившего в Версале), Волошин заодно предлагал ему *«слушать лекции доктора Штейнера — самого крупного из немецких оккультистов. <...> Он в понедельник читает о восточной и западной йоге <...>. Затем он будет читать об Евангелии Иоанна и об Апокалипсисе»*⁹.

На квартире Волошиных в Пасси (в конце мая по новому стилю) состоялась знаменитая встреча Штейнера с Д. Мережковским, З. Гиппиус, В. Философовым и Н. Минским, — о которой Сабашникова рассказала впоследствии в своих воспоминаниях¹⁰. 3 июня 1906 года Волошин упоминал этот визит в письме к матери, — сообщая также: *«Сегодня начался теософский съезд <...>, и лекции Штейнера пока прекратились. Но он еще возобновит их по окончании съезда»*¹¹. В письме же к Бенуа (без даты, по контексту — 12 июня 1906 года) Волошин извещал художника, что Штейнер *«теперь читает в аудитории Теософского общества 59. Avenue de la Bourdonnais»* и *«завтра — последняя лекция. <...>, об Апокалипсисе»*¹².

Вернувшись в Россию, Волошин продолжает пропагандировать учение Штейнера. Приехав из Москвы в Петербург, он пишет 22 сентября 1906 года жене о встречах с В. Ивановым, С. Городецким, М. Кузминым — и добавляет: *«Я много говорил с Вяч. Ивановым о Штейнере и рассказывал ему его лекции; для В. Иванова это полная новость и он очень заинтересован»*¹³. Уже поселившись в Петербурге и став активным участником ивановских «сред», Волошин в ноябре 1906 года вводит в этот кружок приехавшую из Мюнхена Минцлову, и дословно, вместе с помогающей ему матерью, переписывает привезенные ею лекции Штейнера¹⁴.

3 декабря 1906 года, согласившись с предложением Сабашниковой ехать в январе будущего года на Теософский конгресс в Мюнхен, Волошин полусхематично констатирует: *«Милая моя девочка, мы с тобой поступили в секту Штейнера»*. *«Надо быть там, где Штейнер»*, — повторяет он в письме от 6 декабря, — недоумевая, почему Сабашникова

не реагирует на его согласие¹⁵. «В Мюнхене нас ждут лекции Штейнера, который туда переселяется окончательно», — сообщает он 17 декабря А. М. Петровой — еще не зная, что эта идея уже отброшена Сабашниковой, все больше увлекающейся Ивановым, с которым она и связывает теперь свои планы на будущее. Этот поворот событий и приводит к весне 1907 года к распаду семейного союза Волошина и Сабашниковой.

Однако с творчеством Штейнера поэт не расстается. В конце 1906 — начале 1907 годов, в Петербурге, возникает ряд стихотворений Волошина, выросших из теософских построений: «Кровь», «Сатурн». «Солнце», «Луна», «Гностический гимн Деве Марии». В сентябре 1907 года в Коктебеле гостит Минцлова, — под диктовку которой Волошин записывает новые лекции Штейнера (в частности, отметив в дневнике такую мысль: «Человек мечтой готовит себе будущее тело»¹⁶). В 1907 же выходит из печати сборник статей «Вопросы теософии» — и Волошин пишет рецензию на него (при его жизни неопубликованную). Дав свое определение оккультизма (как метод «познания и развития собственных внутренних сил» человека, а также как «изучение законов мира изнутри»), он отмечает:

«Особое место занимают статьи Доктора Штейнера — главы современного германского теософского движения: «Культура Пятой Арийской Расы», вскрывающая эзотерическую историю Арийского сознания, и толкования ко второй части «Фауста», выявляющие связь идей Гете с оккультными учениями». «Обе статьи — это самое интересное, что дано в Сборнике, — заключает Волошин, — но они носят характер отрывочный, не будучи приведены в связь со всей громадной системой, созданной Штейнером»¹⁷.

В первой половине 1908 года Волошин получает пересказы лекций Штейнера от Сабашниковой из Берлина (в письмах от 9 января, 25 апреля, 31 мая¹⁸). Она призывает бывшего мужа «на серию лекций» Доктора в Гамбурге — и около 25 мая 1908 года, по пути в Париж, поэт заезжает туда на четыре дня (до вечера 29 мая). Слушает несколько лекций из цикла «Евангелие от Иоанна» — и возмущает собравшееся на чтение общество еретическим вопросом. Сабашникова впоследствии вспоминала: «После одного из докладов он задал вопрос, очень его тогда занимавший <...>: не Иуда ли, приняв на себя грех предательства и сделав, таким образом, возможной жертву Христа, является, собственно, спасителем мира? Штейнер отнесся к этой идее крайне отрицательно»¹⁹.

Следует заметить, что атмосфера, в которой проходили доклады Штейнера, и большинство его аудитории — восторженные и часто недалекие пожилые дамы — вызывали у поэта все больший протест.

Сабашникова также порой приходила в отчаяние от этого окружения Доктора: *«Разве он не видит <...>, что им нужны рецепты и кухонные книги, что все его слова пропадают!»*²⁰.

Но претензии Волошина шли дальше — касаясь и способа изложения теософских идей. Он видел в членах Общества людей, «изнасилованных истиной», — формально и без осмысления принимающих постулаты Учителя. Констатируя, что «окулльтизм — не художественное произведение, оно не заражает», Волошин определял: *«Он дает мертвые кристаллы, которые должны быть наполнены живым духом каждого подходящего»*²¹.

И вот, летом 1908 года в нем происходит «переворот во взглядах на жизнь, на путь, на теософию»²². Подробнее об этом разладе Волошин высказался позднее. 21 октября 1913 года он делился с Ю. Оболенской:

*«Потом началась борьба и протест. Протест больше против штейнеристов, в которых я видел людей, «изнасилованных истинами», чем против его самого. Не принимал я тоже и догматизма его последователей. У него самого нет его. Он всегда повторяет: «Относитесь к моим словам как [к] художеств[енному] произведению, не больше». Потом было у меня все время тоже противопоставление окулльтному познанию — познания художественного — символического»*²³.

Однако нет сомнения, что и сам Штейнер какое-то время вызывал у Волошина протест. В одной из его тетрадей сохранился недатированный (по контексту — 1909 года) набросок такого обращения к Доктору:

*«Ты знающий, носитель откровений, щедро осыпающий своими дарами, ты ушел, а я распростерт во прахе, изнасилованный истинами, ослепший от чуда, с душой выжженной прикосновением безжалостного огня. Кто вернет мне мое похищенное Я, мое потерянное неведение? <...> Еще глубже должен вернуться я в недра вещества и снова растить там слабый росток своего огня, который один будет моим путем»*²⁴.

(Возможно, впрочем, что это монолог не самого поэта, а его лирического героя, одного из учеников Штейнера...).

Для понимания этого протеста следует напомнить, что Волошин с юности отвергал ученичество и воспитание. 9 августа 1904 года он записал в дневнике: *«Проповедь дает созревший плод — чужой. А душе надо только зерно, из которого может вырасти дерево, которое принесет этот плод. Всякое учение — воспитание — это онанизм: дается конечный результат»*²⁵. Много позднее, в поэме «Бунтовщик» (1923) он сформулирует:

Пусть истина взовьется как огонь
Со дна души, разъятой вихрем взрыва!
Беда тому, кто убедит глупца!
Принявший истину на веру —
Ею слепнет...

Тем не менее, поэт снова и снова обращается к мыслям Штейнера. «В результате выходило, что я все же возвращался постоянно к его книгам и к его формулам», — признавался он сам в письме к Оболенской от 21 октября 1913 года²⁶. Он подробно конспектирует книгу Штейнера «Как достигнуть познания высших миров» (по-видимому, переводя на русский с французского издание 1909 года, имевшееся у него («Initiation, ou sa connaissance des mondes superieurs»). Эта работа Штейнера стала для поэта кодексом поведения: «требования, налагаемые на ученика», он воспринял как руководство к действию²⁷. Насквозь проникнут теософскими идеями венок сонетов «Corona Astralis», написанный летом 1909 года.

В мае 1910 Волошин получает от Минцловой переведенную ею книгу Штейнера «Теософия», — которую, без сомнения, штудирует²⁸. В волошинском архиве сохранился переписанный его рукой текст лекции Доктора «От Иисуса к Христу»²⁹ (читанный в октябре 1911 года в Карлсруе). В библиотеке же Волошина в Коктебеле находим издававшийся Штейнером журнал «Lucifer Gnosis» (за 1905 год), а также ряд его книг: «Мистерии и древности христианства» (М., «Духовное знание», 1912), имевшаяся у него также во французском издании (1908); «Friedrich Nietssche ein Kämpfer gegen seine Zeit»³⁰ (Веймар, 1895); «Haeckel und seine Gegner»³¹ (Винден, 1900); «Der Orient im Lichte der Occidents»³² (Мюнхен, 1909); «Die Geheimnissenschaft im Umriss»³³ (Лейпциг, 1913).

В начале 1912 года, возвращаясь из Парижа в Россию, Волошин снова встречается со Штейнером в Берлине. Приехав туда 13 или 14 февраля, он уже 15-го вечером посещает доклад Штейнера в Архитектурном доме на Вильгельмштрассе, 92 (судя по пригласительному билету, сохранившемуся в его архиве). Позднее поэт сообщал Петровой, что «останавливался в Берлине и имел свидание со Штейнером — он сам захотел»³⁴. 19 февраля, пробыв в Берлине «почти неделю», Волошин выехал в Москву³⁵. Возможно, именно по впечатлению от этой встречи возник прозаический набросок «Вот мы встретились снова в этом безлюдном месте» — позднее, в 1914 году ставший стихотворением «Снова...» (В «творческой тетради» Волошина этот набросок был им вклеен между стихотворениями от 7 ноября и 9 декабря 1910 года — но, по-видимому, задним числом и ошибочно).

Показательно, что в ночь под новый 1913 год, гадая, как это у него было заведено, по попавшейся в руки книге, Волошин, среди других, взял для этого и какой-то труд Штейнера, — выписав оттуда, как пророчество, такую цитату: «Ты будешь развиваться и в царстве Смерти, которая станет для тебя царством жизни вечной»³⁶.

* * *

Новый поворот к Доктору происходит у поэта именно в 1913 году. Толчком к этому, без сомнения, послужило создание Антропософского общества — выделившегося, под руководством Штейнера, из Теософского. В течение лета в Волошине назревала «настоятельная необходимость вернуться в школу» Штейнера; беседы с Сабашниковой, приехавшей в Коктебель в сентябре, окончательно это выявили»³⁷. Получив рекомендацию Т. Г. Трапезникова, Волошин в ноябре становится членом Общества. В ту осень он перечитывает «все книги Штейнера», что у него были³⁸.

Найдя в художнице из Петербурга Юлии Оболенской духовно ищущего и пытливого человека, Волошин делится с ней своими мыслями об антропософии и о самом Штейнере. 21 октября 1913 года он информирует ее:

«По-русски есть его «*Θεοσοφία* [Теософия]», пер[евод] Минцловой, «Путь самопознания в медитациях», пер[евод] Марг[ариты] Васильев[ны Сабашниковой]; «Мистерии христианства и древности». Все эти книги написаны страшно сухо. Они почти конспекты. Все они об одном, но с разных точек зрения. Они абсолютно не художественны. (Лекции его, живое слово — как раз наоборот — поразительно художественны). Кроме того, есть по-французски его же «*L'Initiation*»³⁹. Если Вы позволите — я Вам пришлю ее».

В следующем письме от 10 ноября Волошин дает характеристику последней книги: «Там очень широкий, последовательный и обоснованный план духовной дисциплины». Оценивая индийский трактат «Голос молчания», как «дисциплину другой расы», поэт далее пишет:

«Штейнер дает именно христианский путь. <...> И в его книгах и в лекциях каждое его слово чувствуешь обращенным лично к тебе и всегда о главном. Его дисциплина — всегда дисциплина мысли и понимания, а не дисциплина чувства и страстей. Он всюду устанавливает связь и преемственность научным европейским знаниям, т. к. сам предварительно прошел естественно-научную и философскую дисциплины и был учеником Геккеля.

<...> Что часто отвращает от Штейнера людей, мистически настроенных, это то, что он всякое чувство и порыв проводит сквозь дисциплину познания. Но это именно меня и привлекает к нему. Он борется против скептицизма и недоверия, но требует здравого критического чувства».

Позднее Волошин специально подчеркнет, что принимал антропософию «как дисциплину познания, а не как религию»⁴⁰.

25 ноября 1913 года Волошин сообщает Оболенской, что продолжает читать «циклы Штейнера» и возобновил занятия немецким языком — «даже с грамматикой! — и все для того, чтобы читать то, что не переведено у Штейнера». Следует отметить, что поэт, будучи всю жизнь ориентирован — помимо русской — на французскую культуру; испытывал неприязнь к немецкому языку — и, неоднократно (начиная с гимназии) принимаясь за его изучение, так и не смог овладеть им по-настоящему. Далее в этом письме читаем:

«Портрет Штейнера в “Мистериях христианства (и древности)” очень неверный. Он немножко “Сила внутри Вас”. Вы не видели фотографии, что есть у меня? Впрочем, его лица невозможно передать, потому что оно все — пламя воли, но не неподвижной и не внешней, но горячей изнутри и каждый миг изменяющейся».

У Оболенской возникают все новые вопросы — и в письме к ней от 6 декабря 1913 года Волошин объясняет:

«Видите, когда человек говорит вещи абсолютно несогласуемые с научным познанием и, по-существу, — недоказуемые <...> я ему верю, потому что он ссылается на свой личный опыт. <...> Представьте себе, что человек приносит <...> новую систему познания мира, которая расходится со всеми ныне существующими дисциплинами науки <...> — окончательные результаты огромного опыта, совершенно в других сферах и мирах познания. С чего ему начать? С азбуки — потому что никто из его слушателей иначе не поймет и первых слов. Поэтому все его книги — только грамматика. В них нет ни капли художественности, лиризма. Ведь подумайте: одно сопоставление [Штейнера] с Ницше или Шопенгауэром кажется бессмысленным. А между тем его лицо, его голос говорят о равносильном, если не большем. <...> Я должен сказать, что ужасно не люблю учебников, а когда мне начинают что-нибудь толково и подробно объяснять, я сразу глупею; и, кроме того, у меня какая-то врожденная (вероятно, от примеси немецкой крови) антипатия к немецкому языку. И вот я теперь со страстью читаю по-немецки и разбираюсь в книгах и лекциях Штейнера, которые все написаны именно так, как я не люблю. Но есть сознание, что во что бы то ни стало надо пройти сквозь учебники, чтобы заговорить».

Из писем к Петровой — от 27 ноября и 2 декабря 1913 года — мы узнаем, что Волошин штудировал в тот период «Иерархии» Штейнера — при втором чтении — даже с конспектом. *«Голова кружится — каждое слово откровение»*, — признавался он⁴¹. Оболенской поэт настоятельно рекомендует (в письмах от 10 ноября и 6 декабря) *«Путь к познанию сверхчувственных миров»: там более ясна вся программа и система»*.

26 января 1914 года Волошин делится с матерью мыслями Штейнера, вычитанными им «в одном из циклов», которые «почти буквально» подтверждали то, что он всегда сам думал: *«о реальности слов и чувств», «каждое чувство, каждая мысль — есть существо в астральном мире»*⁴². Продолжая «штудировать циклы», Волошин 13 февраля повторяет, в письме к Оболенской, что знания, дающиеся теософией, *«слишком догматичны и поэтому теряют всякий смысл, когда их слышишь из вторых уст, а не от самого Штейнера»*. Однако в письме к ней же от 10 марта поэт более решительно защищает «философию Штейнера» — *«такую освободительную, всеобъемлющую, учащую любить и преобразовать жизнь»*. Еще раз подтверждая, что не приемлет «психологии ученичества», Волошин заявляет: *«Я совсем другое понимаю и беру из циклов Штейнера»*. А в 1914 году волошинская библиотека пополняется еще тремя книгами Штейнера: «Из летописи мира» (М., Духовное знание), «Тайноведение» (2-е издание) и «La Science occulte»⁴³ (Paris, Perrinetce — сразу в двух экземплярах).

Между тем в Дорнахе идет строительство антропософского центра, Иоганнес-бау, и Сабашникова, регулярно сообщавшая Волошину о лекциях Штейнера, все настойчивее зовет его принять участие в этом историческом событии. Поэт и сам считает, что *«не быть там — значит не причастить[ся], быть может, единственного и неповторимого в жизни»*. И решает ехать в Дорнах в июле⁴⁴.

Прибытие Волошина в Дорнах состоялось 31 (18) июля 1914 года — в день объявления в Германии военного положения, за несколько часов до закрытия немецко-швейцарской границы. Именно в этот день Штейнер уехал в Берлин — и Волошин увидел его лишь 3 августа «во время обеда в кантине». В своем дневнике поэт зафиксировал такой их краткий диалог: *«Вы приехали, герр Волошин, но уехать вы уже не сможете»*. — *«Я приехал для того, чтобы остаться»*.

8 августа — новая встреча в той же кантине и такая зарисовка Доктора в волошинском дневнике: *«Здесь, среди природы его фигура кажется маленькой и странно черной: черный сюртук, черная плоска[я] широкополая шляпа, пыльное лицо. Он долго молча ходит между беседующими группами и потом говорит: «Идите все по домам и ложитесь спокойно спать. А главное не говорите ни о каких»*

слухах, ни о том, что кто-то распускает ложные слухи». (Речь идет о «тревожных слухах» в связи с «ультиматумом, будто бы поставленном Швейцарии Францией»).

Позднее Волошин вспоминал, что Штейнер «читал интереснейший курс лекций по национальной характеристике народов», который вынужден был прервать, так как эти лекции «рождали между слушателями слишк[ом] страстные споры»⁴⁵. А 9 августа 1914 года поэт вновь обращается к наброску стихотворения, — в котором легко увидеть обращение именно к Штейнеру:

Снова
Мы встретились в безлюдьи⁴⁶.
И как прежде
Черт твоего лица
Различить не могу. Не осужденье,
Но пониманье
В твоих глазах.
Твое уединение меня пугает.
Твое молчанье горит во мне.
Ты никогда ни слова
Мне не сказал, но все мои вопросы
В присутствии твоём
Преображались
В ответы.
Ты встречный, ты иной,
Но иногда мне кажется,
Что ты —
Я сам.
Ты приходил в часы,
Когда отчаянье молчаньем просветлялось,
Тебя встречал я ночью, или
На закате... и ветер падал.
Ты живешь в пустынях,
Пути усталости вели всегда к тебе.
О, если б иначе тебя увидеть,
Если б ты пришел
В момент восторга,
Чтоб разглядеть я мог
Твое лицо.

Получив работу по резьбе архитрава в малом куполе здания, Волошин в свободные часы увлекается акварельной живописью. Общается с Андреем Белым, Сабашниковой, Трапезниковым и другими участниками строительства, но постоянно мечтает о личной беседе со Штейнером. А тот — или в разъездах, или при встрече

ограничивается фразой: «Я не забыл» (просьбу Волошина дать ему «личные упражнения»).

«Я чувствовал себя совсем деморализованным и все стало чуждо здесь», — признавался Волошин в дневнике⁴⁷. И лишь 17 ноября 1914 года, после трех месяцев ожидания, происходит встреча *тет-а-тет*. Марии фон Сиверс — на которую Волошин надеялся, как на переводчицу, — не было. «Мы говорили вдвоем и все-таки я сумел своим калеченым немецким языком все сказать и все понять. Сперва я сказал о том, что чувствую, как во мне погасает непосредственное чувство любви — я холоден, необходимость дисциплины воли. Он подробно записал мне сам на бумажке медитацию для утра и для вечера: «Проделайте это год — все пройдет».

«— Я чувствую свои мысли отравленными эротизмом,

– Не боритесь с этим аскетизмом — это только усиливает болезнь. Представьте, что Вы идете по улице. Представьте себе, что над Вами идет другой человек (он указал рукою над шеей — высоко, там, где я всегда чувствую свои мысли). Смотрите на себя его глазами вниз.

На вопрос о живописи: «Я просмотрел внимательно ваш альбом. В Ваших рисунках есть личность. Они не похожи на то, как теперь рисуют обыкновенно. Они сделаны не с натуры, а изнутри. <...> Вам надо стараться углубить внутреннюю область видения. Писать из эфирного плана. От формы перейти к движению... Теперь трудно что-нибудь сделать в поэзии и литературе (сказал он на мои слова о[б] отходе от литературы и о неотступности живописи). А в живописи можно сделать многое. Надо, чтобы форма рождалась из цвета. Посмотрите: синий — это жерт[ва], это дар. Красный — насилие».

Затем он разрешил мне рисовать Бау, и обещал дать эскиз. Все политическое — о Германии, о войне, что я хотел спросить, — отошло так далеко, что не хотелось говорить об этом»⁴⁸.

Вскоре Волошин получает живописное задание: сделать эскиз занавеса для сцены Иоганнес-бау. Весьма воодушевленный этим, он все-таки признается в письме к Оболенской:

«Нет у меня ни спокойствия, ни глубины, ни ритма. <...> Я принимаю целиком самого Штейнера, но очень плохо принимаю Общество и часто делаю из слов его совсем другие выводы»⁴⁹.

Здесь, видимо, проговорка: не слова же Общества имеются в виду! Но если Волошин делает «совсем другие выводы» из слов Штейнера, то можно ли сказать, что он принимает его «целиком»?.. В письме Петровой от 7 февраля 1915 года, уже из Парижа (куда он приехал из Дорнаха 16 января), Волошин как бы уточняет это признание:

«От Штейнера меня все немецкое, начиная с системы мышления, отодвигало: тем не менее, основные истины его — были моими и, преодолевая свою инстинктивную неприязнь к германским формам, я брал то, что было моим и мне необходимым. Но я никогда не отказывался ни от своего пути, ни от своей *полной духовной свободы*. Что же до Антропософического общества — то принимал его ради Штейнера»⁵⁰.

Очень вдохновляло Волошина пророчество Штейнера о том, «что теперь наступает эпоха главенства германской расы, которая сменится VI расой — славянской». Поэт признает, что славяне нуждаются в германском духе: «нам необходима механически-внешняя немецкая государственность». Но, использовав эту «чуждую скорлупу», славянство сможет «перебороть соблазн машинной и технической культуры», создав более сильный — прежде всего в моральном отношении — тип⁵¹. Памятуя австрийское происхождение Штейнера, Волошин 15 мая 1915 года (в письме к Оболенской) решает даже на такое утверждение: «Штейнер — славянин, работающий над германским миром»⁵².

Уже после революции в России, во время гражданской войны, Волошин снова и снова вспоминает слова Штейнера о том, что русский народ «выплавит из себя шестую арийскую расу» — пусть «под опекой Германии». «И вот все как будто идет к тому, становится неизбежным», — пишет поэт Петровой 27 февраля 1916 года — когда наступление немецких войск идет по всему фронту⁵³.

Казалось бы, напрочь оторванный событиями, совершающимися в России, от идей Штейнера, Волошин то и дело обращается к ним. С антропософских позиций написаны стихотворения «Материнство» и «Подмастерье» (1917 год, при этом второе автор объявляет своим «поэтическим символом веры»⁵⁴), прозаические «Заметки» (1917)⁵⁵. В статье «Скрытый смысл войны» (между ноябрем 1916 и апрелем 1919 года) поэт с ностальгией вспоминал пять с половиной месяцев, проведенных в Дорнахе, сформулировав: «Дом св[ятого] Иоанна — театр для оккультных мистерий, аудитория для эзотерической проповеди, лаборатория духовной жизни и творчества будущей Европы, осуществляемый по замыслу и по планам Рудольфа Штейнера, строился руками его учеников, собравшихся со всех концов Европы»⁵⁶. Антропософские воззрения присутствуют в поэме «Святой Серафим» (1919), посвященной православному святому, многократно прокламируются в цикле поэм «Путями Каина», создававшимся Волошиным в 1919–1923 годах.

Пораженный известием о гибели «Иоаннова дома» в огне, поэт 24 февраля 1923 года запрашивает Е. И. Васильеву: «*Пожалуйста, расскажи мне, что знаешь, сколь возможно подробно. Какова сейчас*

роль антропософов в Германии? Что говорит Д[окто]р о текущем и о будущем? О России? О Германии?»⁵⁷.

Известие о смерти Штейнера приходит к Волошину в середине апреля 1925 года — через две недели после события. В связи с исполняющимся тридцатилетием своей литературной деятельности, поэт в том году пишет несколько автобиографий. И в каждой из них отмечает знакомство со Штейнером и теософией (антропософией) как важные этапы своего духовного пути. Штейнера он прямо ставит в ряд «поэтов и мыслителей, имевших» на него «наибольшее влияние» (наряду с Достоевским, Бодлером, А. Франсом, П. Клоделем, Е. Блаватской)⁵⁸. В другой автобиографии Волошин называет Штейнера «человеком, которому <...> обязан больше чем кому-либо познанием самого себя»⁵⁹.

В 1929 году, в беседе с молодым филологом, рассказывая о Штейнере, Волошин обрисовал его в высшей степени почтительно. «Он всегда читал лекции <...> как человек светский, перебивая их шутками, ибо боялся впасть в соблазн учительства. Он беспрерывно совершенствовался, так что лицо его в течение его жизни становилось все более и более значительным»⁶⁰. Наконец, в конце апреля 1932 года, незадолго до смерти, Волошин вспоминал Дорнах и Штейнера, посвятив им несколько страничек своих мемуаров⁶¹.

Таким образом, мысли Р. Штейнера и его личность сопровождали русского поэта более четверти века, — оказав огромное влияние на его мировоззрение и оплодотворив творчество. И хотя он был не самым правоверным учеником «Доктора», но, думается, именно этот его подход оказался наиболее творчески продуктивным. Сухие, порой достаточно догматические идеи Волошин сумел претворить как в этику своего собственного повседневного поведения, так и в живые, трепетные образы своей поэзии. И этим самым стал более действенным пропагандистом идей Штейнера, чем многие другие его последователи из России (исключая, пожалуй, Андрея Белого)⁶².

<1999>

